

Ян Бруштейн

Вечер лошади

Эта лошадь ходила по лугу,
Эта лошадь ходила по кругу
И как будто несла беду.
Были пятна на шкуре ржавы,
На задворках большой державы
Лошадь плакала на ходу.

Усмехались кобылки криво,
Малолетки неслись пугливо,
И брезгливо смотрел жеребец,
Как старуха терпела пытку,
Как разбиты её копыта,
Как её погоняет бес...

Но в ушах, но в небесной выси
Пели скрипки и трубы выли,
Было всё, как во сне, во сне...
И вовсю развевалась чёлка,
И вертелась юлой девчонка
На широкой её спине.

Лошадь слышала гром оваций,
Но со славой легко расставаться,
Если розданы все долги,
Если смерть ничего не значит!..
На лугу цирковая кляча
Нарезала свои круги.

* * *

право лево криво клёво по лесной почти трясине
по резной листве кленовой по дымящемуся дню
по горе с названьем горе потерявшийся разиня
там где стынет небо сине я отчаянно гоню

и давно увидел дно бы только новы эти дали
только выдали мне долю мама время да строка
и кому кричать спасибо что дороги раскидали
что нам судьбы нагадали как бессрочные срока

а пока беги железо и крути свои колёса
и конечно эти слёзы я забыл и разменял
право лево криво клёво вылетаю из заноса
и горит горит заноза прямо в сердце у меня

* * *

А дым империи мне сладок не всегда.
Колотит в стёкла зимняя вода,
Запретный смысл пытается морзянкой
Мне передать. И этот вечер зябкий
Наутро обещает корку льда,
Но вывернуто время наизнанку.

А дым империи, а выхлопы машин,
Мороженые профили мужчин
И капюшоны их безликих спутниц...
И путаница гласных, и распутиц
Печальный опыт. Визг и стоны шин
Проглочены глухим пространством улиц.

Последним пламенем вечерних фонарей
Горит моя империя. И с ней
Не просто ни бороться, ни расстаться.
Бахвалятся деревья зимней статью,
Но пальцам отмороженных корней
День ото дня становится больней.

* * *

Я живу в километре от края Земли.
Там бездонна вода, там ленивые рыбы,
Там доньне русалки водиться могли бы,
Но за ними пришли, и давно замели.
Возвратилась одна, с рассечённой губой,
Привезли в провонявшем селёдкой бочонке,
Старый вагник на ней, да платок на ребёнке.
Стыли жабры, но вспомнил и принял прибор.
И поплыли они напрямиком на закат,
Где гремел водопад, обрывавшийся в бездну,
Где когда-то и я непременно исчезну,
Если только они не вернуться назад.

Самолёты

Осенний сад в предчувствии мороза,
Слетают с веток сны и самолёты,
Идёт сосед, до ужаса тверёзый,
Весь в телогрейке и зелёных ботах,
 В руке бутылку мутного несёт.
Мои ворота он зовёт вратами,
Он — философ, с таким вот удареньем,
Он знает, что Земля полна врагами,
Но любит пойло заедать вареньем,
 Мне оставляя пряный тёмный мёд.

А самолёты, жёлтые как листья,
Спешат, озорничают не по-детски,
Пути их мглисты и хвосты их лисьи,
И не успеешь охнуть и взглядеться,
 Как сгинут в лужах, в сырости и тьме.

Сосед нальёт: «Давай помянем, что ли,
Короткое, но яблочное лето...»
Я задохнусь от боли, и в неволе,
Пробитое стрелой самолёта,
 Споткнётся сердце, неподвластно мне.

Мальчики

Пахнет ли кровью, воняет цветами,
Что с этой жизнью мы сделали сами?
Где наших мальчиков след?
Не оглянувшись, уходят из дома,
Время горит, как сухая солома,
Вот они, были и нет.
Только по небу следы слюдяные,
Тени от крыльев — и присно, и ныне...
Лучше б — во веки веков!
Чтобы хоть изредка смутные вести...
Если бывает душа не на месте,
Век доживать нелегко.
Вдохом и выдохом, шагом и взглядом
Кажется — вот они, мальчики, рядом,
Что же так сердцу невмочь!
Выкриком птицы, и ветром упрямым,
Шелестом листьев — негромкое: «Мама...»
И отлетевшее прочь.

Молитва

Ну сделай, Господи, для меня
Так, чтобы попросту были живы,
Среди вранья и среди огня,
Все — и любимые, и чужие.
И тот, кто пялится сквозь прицел,
И тот, кто молится о заблудших.
Прости, я лишнего захотел,
Когда земля забирает лучших,
Когда от ярости ножевой
Как будто иглы растут сквозь кожу,
Когда срывается ветра вой...
И всё же ты постарайся, Боже!
Не жду от жизни иных даров,
И не имею такого права.
Глаза открою — закат багров.
Глаза закрою — вода кровава.

* * *

Мой внутренний Ленинград истаял и обветшал,
Он давно не прикрепляется к пространствам и вещам,
Но там, на Петроградке, словно крепкий зуб, мой дом,
И братья мои ещё не сгнули за кордон.

Крылатые львы, озябли вы на мосту,
Вскрикиваете простуженно: в Москву, мол, летим, в Москву,
Разбрызгивая позолоту, раскальваете пьедестал.
Пришёл бы я к вам, родные, но выдохся и устал.

Мой внутренний Ленинград, осыпающийся с холста,
Печальны твои кварталы и невская гладь пуста,
Вываливаются из рамы, обугливаются края...
Но можно там встретить маму с коляской, в которой я.

* * *

Пространство неспешного сада
Светло и беспечно,
В саду этом думать не надо
О грешном и вечном.
А нужно любовно касаться
Деревьев и речи,
И может на миг показаться,
Что мир безупречен.
Как будто бы вспомнило тело
О детском и важном,
Как будто бы жизнь пролетела
Легко и отважно.

Ян Бруштейн. Родился в Ленинграде в 1947 году, живёт в Иваново. Работал в газетах, на телевидении — был президентом негосударственного медиа-холдинга, преподавал в вузе историю и теорию искусств. Кандидат искусствоведения. Автор семи поэтических книг и более шестидесяти публикаций в журналах «Дружба народов», «Дети Ра», «Зинзивер», «Сибирские огни», «День и Ночь», «Зарубежные записки», альманахах и антологиях, и многих других изданиях в России и за рубежом. Член Союза российских писателей и Русского ПЕН-центра. Лауреат конкурсов им. Н.Гумилёва и Н.Некрасова, премии «Поэт года – 2013».